

языковой ассимиляцией. При этом отмечено, что, несмотря на более благоприятную этническую ситуацию, особенно интенсивно ослабевает национальная лояльность коми-пермяков, в общественном сознании которых идет активное разрушение позитивного образа собственного этноса.

Об условиях, в которых протекают этнические процессы у народов коми, невозможно судить без глубокого анализа характера этнических контактов. Этой теме посвящена отдельная глава рецензируемого труда. Изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что межэтнические контакты у современных коми чрезвычайно интенсивны, особенно наглядно это проиллюстрировано на примере межнациональной брачности. Так, в городских поселениях к концу 1980-х годов 50% всех браков были межнациональными, и при этом основную часть их составляли коми-русские брачные союзы. Особенно быстро происходило увеличение доли межнациональных браков в послевоенную эпоху.

Интенсивный характер межнациональных контактов оказывает существенное воздействие на ход этнических процессов, в частности на ассимиляцию. И потери от нее, особенно среди коми-пермяков, в последние десятилетия весьма значительны.

Последняя глава посвящена анализу изменений в традиционной материальной и духовной культуре народов коми. В ней рассматривается не только бытование, но и ориентации различных групп населения на те или иные элементы народной культуры.

Обширный фактический материал, который представлен в монографии, интересен и полезен уже сам по себе, но создает впечатление, что аналитическое осмысление его не вполне завершено, не все возможности анализа исчерпаны. Кроме того, не всегда к месту используются данные по локальным группам коми. Не всегда удачно в работе стыкуется материал по коми и коми-пермякам, хотя сами по себе сопоставляемые данные дают обильную пищу для размышлений.

Представляется уместным, чтобы в подобной работе имелась специальная глава, посвященная современным этнополитическим процессам и деятельности коми национальных движений, тем более что авторам принадлежит целая серия таких публикаций. Впрочем, насколько мне известно, в готовящийся англоязычный вариант монографии авторы намереваются ввести такую главу. Монография выглядела бы более солидно, если бы авторы позаботились об иллюстративном ее сопровождении, хотя, безусловно, это увеличило бы объем и расходы, связанные с ее изданием.

Несмотря на высказанные замечания, следует отметить, что отечественное финно-угроведение обогатилось добротным научным исследованием, которое имеет весьма важное значение.

Н.Д. Коцаков

© 1997 г., ЭО, № 3

Мордва: Историко-культурные очерки. Саранск, 1995.

Актуальность рецензируемого труда обусловлена рядом факторов. Прежде всего в современных условиях комплексное изучение народов немислимо без учета фундаментальных общих тенденций, широкого круга экономических, политических, психологических, мировоззренческих и других аспектов. В Российской Федерации такая работа стала особенно важной в последние годы в связи с радикальными социальными и идеологическими преобразованиями, актуализацией вопросов как положения личности и ее этнической идентификации, так и претензиями, заявляемыми от имени отдельных этносов. Тем интересней появление монографии, в которой зафиксированы не только исторические, но и сегодняшние формы жизни одного из крупных народов России – мордовского.

Для достижения поставленной в исследовании цели – осуществления комплексного исторического, этнографического, демографического, лингвистического, культурологического, религиоведческого изучения путей становления и развития мордовского народа, определения главных тенденций его развития в современных условиях – авторами сформулированы методологические принципы работы, выявлены механизмы влияния ценностных приоритетов и культурных традиций на становление и развитие научных знаний об эрзе и мокше, дано описание современных этнокультурных процессов в Мордовии.

Важное достоинство работы – ее междисциплинарный характер, систематизация обширного эмпирического материала. Авторы не обходят сложные дискуссионные проблемы, а, напротив, стремятся высказать по ним свои, в ряде случаев убедительные, соображения.

Обращает на себя внимание авторский анализ современных отечественных и зарубежных теоретических исследований. Широк круг использованных источников. Среди них различного рода государственные акты, декларации, другие документы, связанные с недавней историей и современной жизнью мордовского народа. Некоторые из них – в частности, законодательные акты последних десятилетий по языковым проблемам и другие – изучаются впервые. Авторы привлекают не только узкоспециальную литературу, но и художественные произведения, что позволяет лучше понять контекст рассматриваемых исторических периодов.

Труд состоит из введения, 20 глав и заключения.

В главе первой анализируются источники, литература, история научных исследований, материалы экспедиций и музейные коллекции, относящиеся к мордовской культуре. Во второй главе «История форми-

рования мордовского этноса) – описаны истоки этногенеза мордовского народа. Известно, что складывание древней мордвы происходило в эпоху раннего феодализма (до XIII в.), когда на «...базе древнемордовской семьи племен» формировалась мордовская народность (с. 39). Консолидационные процессы были приостановлены с началом монголо-татарского нашествия и установлением ордынского, а затем казанско-ханского господства в XIII–XV вв., а потом развертывались в составе Русского централизованного государства. Авторы монографии дают подробный очерк разных периодов становления; последующий этап рассматривается как трансформация мордвы в народность эпохи капитализма конца XIX – начала XX в. и постепенная консолидация ее в нацию.

Главы III и IV («Расселение и динамика численности мордвы») и «Этнодемографическая ситуация в Мордовии») дают отчетливое представление об истории, географии и народонаселении изучаемого региона Среднего Поволжья с конца XVI в. по настоящее время.

Следующие главы (с V до IX) содержат этнографические данные о традиционных занятиях, орудиях труда, промыслах, поселениях, жилищах, пище, домашней утвари мордвы. Представляются удачными реконструкции семейно-родственных отношений (глава X), семейных обрядов (глава XI) и традиционного воспитания детей у мордвы (глава XII). В исследовании рассмотрены основные этапы процесса «формирования основных особенностей семейно-бытовой культуры [мордовского] этноса» (с. 209), выделены характерные черты структуры семьи и ее уклада, рассмотрены положение женщины, система брачно-семейных запретов, система родства у мордвы, частота межнациональных браков. Содержательно и полно описаны свадебные, родинные, похоронные и поминальные обряды. Глава о воспитании детей даст также представление о практических навыках, моральных приоритетах, нравственных ценностях, играх, песнях, танцах, религиозных праздниках, отношении к труду, народных приметах о погоде, народном врачевании.

В главе XIII рассматриваются языческие верования мордвы: мужские и женские божества, их иерархия, магические колдовские обряды, связанные с умершим, дохристианские религиозные праздники, описан также процесс христианизации мордвы.

Следующие пять глав монографии (с XIV до XVIII) посвящены мордовскому фольклору, истории развития народного самодеятельного и профессионального театра и «письменной драматургии», особенностям музыки, музыкальных инструментов и профессионального музыкального искусства, народному искусству мордвы и, наконец, профессиональному изобразительному искусству. Это яркий, интересный материал, впервые вводимый в научный оборот.

В главах XIX и XX рассматривается история мордовских языков и анализируются современные мордовские литературные языки. Авторы рассматривают место мордовских языков в системе родственных уральских языков, относящихся к волжской группе. Несмотря на то что с середины I тыс. н.э. общемордовский язык распался на мокшанский и эрзянский, в обоих языках сохранилось много общего в грамматическом строе и лексике. Авторы раздела скрупулезно исследуют и иллюстрируют существующие черты сходства и различия: во-первых, анализируются исторические этапы формирования, словарный, звуковой состав, морфология общемордовского языка; во-вторых, вычленяются причины – природные и политические – разделения единого языка и специфика различий в нормах произношения, морфологии; в-третьих, исследуется влияние русского языка на структуру и содержание мокшанского и эрзянского языков. Также значительное внимание уделяется связи мордовских языков с другими языками: влиянию и прямым заимствованиям из иранских, балтийских, тюркских, славянских языков. Рассматривая влияние русского языка на мордовские, авторы подходят к проблеме возникновения мордовской письменности, формирования мокшанского и эрзянского литературных языков, а также перспектив развития современных мордовских языков.

Таким образом, данная работа – это серьезный труд, в котором изучение истории культуры и этнологии мордовского народа опирается на обширный эмпирический материал, почерпнутый из многочисленных и разнообразных источников, труд, тем более ценный, что он является плодом объединенных усилий специалистов различных гуманитарных наук (историков, этнологов, лингвистов, религиоведов).

Вместе с тем, как и в любом крупном исследовании, в данной монографии имеются как отдельные (весьма немногочисленные) недостатки, так и утверждения, по поводу которых может возникнуть дискуссия.

Авторы полагают, что «всемерное содействие возрождению и развитию национального самосознания мокшан и эрзян, их культур, традиций и ремесел» будет способствовать «укреплению интернационального братства и совершенствованию межнациональных отношений» (с. 3). Ни в коем случае не отрицая желательности и полезности развития интереса к истории, культуре, языкам эрзи и мокши, полезно принять во внимание и другую сторону процесса – межэтническое взаимодействие и обогащение культур, которым авторы, к сожалению, не уделяют должного внимания – это особенно относится к разделу о фольклоре.

В изложении материала иногда чувствуется излишняя встревоженность. Авторы разбираемого коллективного труда стремятся, пожалуй, излишне подчеркнуть обосновать этническую самостоятельность, культурную самодостаточность, историческую и языковую независимость мордовского народа, прибегая иной раз к форме чрезмерного противопоставления русского и мордовского народов. Такая постановка вопроса едва ли удачна, потому что Мордовская АССР в действительности не была «кубогой провинцией» большого и «великого» брата (с. 4). Об этом тем более следует сказать потому, что это же констатируют сами авторы в разделе «Этническое развитие мордвы в составе Российской государственной», называя вступление мордвы в это государство явлением «глубоко позитивным» (с. 55), так как оно «положило конец долговременному ее разобщению в пределах различных государств, дало ей возможность для социально-экономического, политического и этнокультурного прогресса» (с. 56). Конечно, объективная политическая

ситуация создает благоприятные предпосылки для отрицания идеалов недавнего прошлого. И все же, на наш взгляд, несколько опростетчиво говорить о том, что лишь сегодня идет процесс «возвращения идеалов (нравственных. – В.П., О.С.), совести, порядочности, милосердия» (с. 5).

Вызывает вопросы тезис о том, что «...судя хотя бы по устно-поэтическому творчеству эрзян и мокшан, их языки когда-то были в числе *самых* совершенных языков мира» (с. 5) (выделено нами. – В.П., О.С.). Понятно, что это не научный постулат, а скорее не слишком удачная эмоциональная оценка. Несколько искусственные конструкции «распределения функций между русским, мордовскими и другими языками в республике», определяющие, «в каком объеме и в какой сфере должен использоваться каждый язык», к созданию которых призывают авторы, вряд ли могут быть реально воплощены в жизнь. Авторы рецензируемой монографии сетуют на «одностороннее двуязычие» (в пользу русского языка), на то, что эрзянский и мокшанский языки не являются языками делопроизводства в учреждениях республики и публичных выступлений (с. 550–551), на то, что на национальные языки приходится только 15% эфирного телевизионного и радиовещания, и, наконец, на то, что в вузах Мордовии мордовские языки до сих пор изучаются по учебникам, написанным на русском языке. При этом акцент ставится на том, что «в таком одностороннем мордовско-русском двуязычии кроется опасность для дальнейшего развития мокшанского и эрзянского языков, в этом свете не просматриваются их перспективы» (с. 551). Все эти темы, несомненно, заслуживают обсуждения. Главный вопрос, однако, состоит в том, каковы реальные ресурсы и реальная готовность широких масс мордовской молодежи учиться, писать документы, публично выступать и т.п. на мокшанском и эрзянском языках.

Говоря о языковых процессах, полезно принять в расчет, что они управляются объективными законами, действие которых часто не совпадает с теми законодательными актами о языках, которые принимают правительства и парламенты. Решение вопроса о том, каково будет «распределение функций между русским, мордовским и другими языками в республике», а также объем и сфера «использования» языка, целиком зависят от граждан республики, от самих эрзян, мокшан и русских. Мы полагаем, что подобное соотношение языков в Мордовии в обозримой перспективе едва ли существенно изменится.

Отмеченные недостатки, конечно же, не уменьшают достоинств работы. Оценивая книгу в целом, можно сказать, что монография «Мордва. Историко-культурные очерки» является интересным комплексным исследованием крупной научной проблемы и заметным вкладом в науку.

Не вызывает сомнения возможность рекомендовать данную монографию в качестве учебного пособия по курсу этнологии народов Поволжья и вспомогательного пособия – по курсу культурологии и, возможно, религиоведения. Это издание будет полезным для студентов. А интересный фактический материал, содержащийся в работе, даст возможность преподавателю вуза или учителю в школе творчески использовать положения книги в соответствии со своими индивидуальными возможностями и запросами.

В.В. Пименов, О.В. Солопова